

Свящ. Іоаннъ Михайловичъ Орловскій.

(НЕКРОЛОГЪ).

25 января 1905 г. въ с. Данпловичахъ, Ельнинскаго у., умеръ заштатный свящ. Іоаннъ Михайловичъ Орловскій.

Покойный родился 25 февраля 1833 г. въ семьѣ священника с. Бѣловостья, Михаила Григорьевича Орловскаго (впослѣдствіи Колочскаго архимандрита Митрофана). Шести лѣтъ отъ роду онъ лишился матери, оставшись съ двумя младшими сестрами на попеченіи восьмилѣтней сестры и крестьянской старушки-няньки. Убитый горемъ, о. Михаилъ хотѣлъ поступить въ монастырь, но преосвященный Тимоеѣй отечески отговорилъ его отъ этого и перевелъ его въ с. Куханы, Ельн. у.

Тамошній помѣщикъ, генералъ А. И. Киприановъ скоро оцѣнилъ умнаго и образованнаго священника, ревностно исполнявшаго свою службу и строгаго къ себѣ въ жизни. Участникъ войны 1812 г., бывшій членъ масонскаго общества, Киприановъ имѣлъ богатую библіотеку, которую предоставилъ въ пользованіе о. Михаилу. Общеніе съ семьей Киприанова имѣло самое благотворное вліяніе на развитіе и воспитаніе дѣтей о. Михаила. Самъ о. Михаилъ, занимаясь въ своей домашней школѣ съ крестьянскими и дворовыми дѣтьми, находилъ еще время обучать и своихъ дѣтей. Въ училищѣ Иванъ Михайловичъ шелъ среди первыхъ учениковъ, и въ 1847 г. онъ благополучно поступилъ въ семинарію.

О семинаріи покойный сохранилъ самыя хорошія воспоминанія. Любимою темою его разговоровъ были рассказы о

своихъ профессорахъ, товарищахъ, семинарской жизни, ея торжествахъ, рекреацияхъ, экзаменахъ и т. п. Сколько было талантливыхъ головъ, умныхъ сердечныхъ людей, любителей искусствъ, краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, пѣвцовъ! Они составляли гордость, плп какъ тогда выражался, „красу семинаріи“, о нихъ создавались легенды, ихъ уважало семинарское начальство.

Особенно тепло отзывался покойный о ректорѣ Фотіѣ, на догматическія лекціи котораго сходились въ богословскую залу оба отдѣленія и слушали ихъ въ теченіе двухчасоваго урока, затаивъ дыханіе; объ инспекторахъ (!) Павлѣ (Бобровѣ) и Дмитріи, людяхъ ученыхъ и съ независимыми взглядами; о профессорахъ Карчевскомъ, Куницкнѣ, В. И. Добро-творскомъ и Соловьевѣ. Но самымъ любимымъ былъ для него ректоръ Іосифъ (Позднышевъ), въ которомъ онъ уважалъ здравый умъ, доброту и твердость характера, талантъ и беззаветную любовь къ пѣвию. Объ Іосифѣ онъ готовъ былъ рассказывать безъ конца, воспроизводя его солидную манеру говорить и держать себя. Его сочиненія покойный хранилъ аккуратно переписанныя, распространялъ ихъ въ деревнѣ, училъ сельскій хоръ исполнять ихъ и въ староствѣ томаясь скукой одиночества и непривычнаго покоя, постоянно вспоминалъ любимыя Іосифскіе напѣвы.

Въ 1853 г. Иванъ Михайловичъ окончилъ семинарію съ аттестатомъ 1-го разряда и 25 сентября былъ назначенъ учителемъ въ Смоленское духовное уѣздное училище, гдѣ преподавалъ грамматику русскую во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ, уставъ церковный въ высшемъ, среднемъ отдѣленіи и причетническомъ классѣ, и русскую исторію въ высшемъ отдѣленіи.

Кромѣ учительскихъ обязанностей, Иванъ Михайловичъ занимался въ это время составленіемъ круга ватихизическихъ бесѣдъ и проповѣдей, которыя, по одобреніи ректора (Фотія, потомъ Моисея), произносилъ въ соборѣ и городскихъ церк-вахъ, по назначенію архіеп. Тимофея.

4 декабря 1858 г. И. М. былъ рукоположенъ во священника къ церкви с. Сычева.

Образцовое и благоговѣйное служеніе, привѣтливость и общительность привлекли къ новому священнику прихожанъ всякаго званія.

Въ Сычевѣ о. Иванъ продолжалъ свою проповѣдническую дѣятельность. По примѣру отца, онъ завелъ школу въ своемъ домѣ и въ 1862 г. получилъ отъ преосв. Антонія благодарность „за заботливость о распространеніи грамотности“. Въ томъ же году онъ назначенъ былъ наблюдателемъ сельскихъ школъ, и должность эту проходилъ до 5 мая 1864 г. Въ 1863 г. за ревность къ исполненію своихъ обязанностей и доброту жизнь онъ былъ награжденъ набедреникомъ. Въ 1864 г. о. Иванъ по доносу былъ перемѣщенъ за 10 в. отъ Сычева, въ с. Песочню. Пользы для службы отъ этого никакой не было, но разореніе хозяйства и нравственный ударъ были основательные.

Черезъ годъ по переходѣ въ Песочню о. Ивана постигло новое горе: 18 октября умеръ отъ скарлатины 4-лѣтній первенецъ его, Михаилъ. Въ это самое время онъ приготовился уже къ переѣзду въ с. Каменецъ, куда былъ перемѣщенъ, по прошенію, 15 октября. Мертваго сына перевезъ съ собой въ Каменецъ и тамъ похоронилъ (версть 10 отъ Песочни). Не успѣлъ переѣхать въ Каменецъ, какъ заболѣваетъ крупомъ меньшая дочь, Марія, и 1 ноября умираетъ. Обезумѣвшій отъ потери любимыхъ дѣтей, о. Иванъ проситъ перевода изъ Каменца куда бы то ни было, и получаетъ назначеніе въ Давиловичи.

1 декабря съ больной 5-лѣтней дочерью пріѣхалъ онъ въ Давиловичи, а 23-го и этотъ послѣдній ребенокъ умеръ. Такимъ образомъ въ теченіе полтора года пришлось пережить три перехода изъ села въ село и въ два мѣсяца потерять всѣхъ трехъ дѣтей. Удары эти тяжело отразились на его душѣ и наложили на нее печать заботы, излишней мнительности и впечатлительности.

Въ Давиловичахъ явилась возможность поправить свое матеріальное положеніе, разстроенное переходами, и чрезъ 15 лѣтъ службы здѣсь построить новый домъ вмѣсто прежняго стараго и тѣснаго, бупленнаго у предшественника. За

это время родились и выросли дѣти. О. Иванъ самъ трудился надъ подготовкой ихъ въ школу, обучалъ даже древнимъ языкамъ и на 9-мъ году отвозилъ по очереди въ училище. Начался новый и долгій періодъ непрерывныхъ расходовъ и заботъ о дѣтяхъ и тяжелыхъ думъ по поводу ихъ неудачъ, которыя всегда принимались имъ слишкомъ близко къ сердцу.

Здоровье между тѣмъ начинало ослабѣвать. Болѣзнь (катаракта) глазъ, отъ которой онъ хотя и излечился, особенно повліяла на его здоровье и душевное настроеніе, и нужно было видѣть его, чтобы понять, что пережилъ онъ за это время. Слабость здоровья все чаще заставляла о. Іоанна думать о выходѣ въ отставку, и лишь образовавшаяся за 45 лѣтъ службы органическая потребность въ служеніи Богу у Его престола и мысль о печальномъ прозябаніи вѣдъ этого служенія дала ему рѣшимость на продолженіе исполнять свое служеніе. Въ 1902 г. онъ, наконецъ, вышелъ въ отставку и, какъ и слѣдовало ожидать, оставшись безъ привычнаго и святого труда, быстро пошелъ къ концу.

О. Іоаннъ скончался 72 лѣтъ отъ роду, пробывъ священникомъ 47 лѣтъ, изъ коихъ въ Даниловичахъ на дѣйствительной службѣ 37 лѣтъ и два года въ отставкѣ. Онъ былъ послѣднимъ Даниловичскимъ старикомъ, послѣднимъ представителемъ того уклада мѣстной церковно-приходской жизни, который сложился здѣсь во второй половинѣ XIX вѣка, и на которомъ отразилось, особенно за послѣдніе годы, вліяніе и его личности. Самъ о. Іоаннъ производилъ впечатлѣніе священника и человѣка „старого закала“, но безъ отрицательныхъ чертъ этого типа. Это былъ искренно и твердо вѣрующій человѣкъ, чуждый и приторнаго піэтизма, и мрачнаго старовѣрства. Онъ любилъ почитать и поговорить о богословскихъ вопросахъ, изъ которыхъ многіе живо его интересовали и волновали. Библіотека его на половину почти состояла изъ книгъ религіозно-богословскаго содержанія, доставшихся отъ отца и приобретенныхъ лично. Онъ поставилъ на ноги и церковную бібліотеку, выписывая для нея книги и духовные журналы, напр. „Богословскій Вѣстникъ“.

Религіозна настроенность придавала особенный отпечатокъ п его служенію церковному. Онъ обладалъ благопріятными природными условіями: чуткимъ сердцемъ, эстетическимъ вкусомъ, звучнымъ пріятнымъ голосомъ и представительной наружностью. Служеніе его въ храмъ, чуждое всякой аффектаціи и искусственности, отличалось возвышенной красотою, торжественностью и трогательностью. О. Іоаннъ любилъ церковную службу, находилъ въ ней истинное душевное наслажденіе и совершалъ ее строго по уставу, не признавая въ немъ присутствія, якобы, мелочей. У престола онъ весь проникался этою любовью и благоговѣніемъ, и его настроеніе невольно сообщалось молящимся. Всѣ любили службу о. Іоанна, и долго еще Даниловичскіе прихожане будутъ вспоминать ее и отдѣльные ея моменты, вродѣ чтенія молитвъ, Евангелія, возгласовъ. Особенно сильное впечатлѣніе производило совершеніе имъ службъ страстной и пасхальной недѣли. Совершались они строго по уставу, безъ всякихъ собращеній, съ пѣніемъ всего положеннаго на два лица. Продолжительность этихъ службъ не утомляла, такъ какъ искренность и полнота чувства предстоятеля не позволяла ни на мигу ослабѣвать религіозному настроенію молящихся. Въ нѣкоторые моменты, какъ, наприм., при чтеніи Евангелій Св. Страстей, о. Іоаннъ настолько волновался, что голосъ его прерывался отъ слезъ, въ церкви наступала глубокая тишина, и впечатлѣніе тяжелой скорби и горя охватывало молящихся. Выносы плащаницы, погребеніе въ великую субботу—все это совершалось такъ чинно, благолѣпно и искренно, безъ примѣси какихъ бы то ни было рѣзкихъ, ненужныхъ штриховъ, что производило совершенно реальное и необыкновенно трогательное впечатлѣніе.

Любили и уважали о. Іоанна его прихожане. И не привычка только, а и личныя его качества влекли ихъ къ нему: исправность и строгій порядокъ въ отправленіи службъ и требъ, вѣрность разъ данному слову, здравый смыслъ, выдержанность и вмѣстѣ обходительность въ обращеніи, задушевная искренность и способность къ дѣятельному сочувствію, прямота характера и пастырская авторитетность—все

это вполнѣ сочувствовало народному взгляду на пастыря, какъ на руководителя прихода. Многие прихожане обращались къ о. Іоанну за совѣтомъ и наставленіемъ по своимъ дѣламъ, особенно семейнымъ, интимнымъ, увѣренные, что онъ разсудитъ дѣло умно и по совѣсти и не выдастъ никому тайны. Про о. Іоанна крестьяне говорили, что онъ „строгаго характера“, и эта строгость, понимаемая ими въ самомъ широкомъ смыслѣ, имъ нравилась. Подъ нею разумѣли его серьезное отношеніе къ дѣлу, чувство долга, заставлявшее его строго относиться и къ себѣ и къ другимъ; независимость и твердость взглядовъ безъ боязни прослыть оригиналомъ, честность и прямоту, соединенныя съ искреннимъ отвращеніемъ ко всякому двуличію и фальши, эксальтаціи и искусственности. Эту „строгость“ онъ проявлялъ и въ своемъ домѣ, и въ приходѣ. Въ отношеніи къ слабохарактернымъ, каковыми являются большинство „погрѣшающихъ“, она была полезна, чѣмъ дряблѣе благодушіе и послабленіе. Испытывавшіе на себѣ эту строгость, несмотря на задѣтое самолюбіе, сознавали, что о. Іоаннъ говоритъ дѣло, безъ задней мысли, а лишь желая добра другому. Примирило съ нею и то, что о. Іоаннъ чуждъ былъ „на лица зрѣнія“ и безъ смущенія воздавалъ всѣмъ должное, по заслугамъ. Сильно развитое чувство правды и собственного достоинства не позволяло ему заискивать и унижаться предъ одяпами и высокомерно относиться къ другимъ. У него за однимъ столомъ сидѣлъ и помѣщикъ-дворянинъ, и свой подчиненный дьячекъ, и уважаемый имъ крестьянинъ. И въ деревнѣ онъ съ большимъ удовольствіемъ принималъ гостепріимство у бѣдняка, который былъ ему по сердцу, чѣмъ у несимпатичнаго богача-кулака. Таковъ онъ былъ и всюду. Онъ, напримѣръ, со слезами принялъ вѣсть о смерти о. Никандра Иванова, своего товарища, котораго онъ уважалъ еще отъ дней товарищества, но онъ ни разу не позволилъ себѣ, при его жизни, обратиться къ нему за поддержкой или протекціей въ служебныхъ дѣлахъ, хотя съ удовольствіемъ отвѣчалъ на передаваемые отъ него поклонны. Вообще, слово его у него не расходилось съ дѣломъ. Нѣкоторые приписы-

вали ему гордость, чѣмъ объясняли его нѣсколько суровую наружность. Но и прихожане, и всѣ, познакомившіеся съ нимъ ближе, знали, что это былъ человекъ общительный, доступный и простой *). Онъ былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ какъ въ серьезной бесѣдѣ, такъ и въ шуткѣ. Поэтому и у помѣщиковъ, и у крестьянъ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Начитанность и интеллигентность позволяли ему чувствовать себя на уровнѣ, а иногда и выше многихъ деревенскихъ помѣщиковъ-дворянъ, которые охотно поддерживали съ нимъ общеніе.

Любовь къ книгамъ и чтенію была его страстью. Расчетливый въ житейскомъ обиходѣ, о. Іоаннъ не жалѣлъ средствъ на книги и журналы, и его библіотека, вмѣщавшая до 1500 томовъ, славилась въ округѣ. (Часть ея онъ пожертвовалъ въ основаніе Даниловичской публичной библіотеки имени Пушкина). Составъ ея былъ самый разнообразный, но преобладали книги богословскія, проповѣди, священныя и богослужебныя книги (среди нихъ не мало рѣдкихъ и цѣнныхъ); затѣмъ слѣдовали книги по любимой имъ исторіи, географіи, естествознанію и беллетристич. Къ характеристикѣ его взглядовъ замѣтимъ, что изъ историческихъ лицъ наибольшимъ его уваженіемъ пользовались Петръ I, Николай I, Скобелевъ, а изъ поэтовъ—Пушкинъ. Ихъ онъ всегда горячо защищалъ противъ всякихъ нападокъ, а Пушкина пріобрѣталъ чуть ли не каждое новое изданіе. Интересуясь исторіей вообще, онъ самъ составлялъ лѣтопись села, велъ дневникъ и замѣтки, и по его бумагамъ легко можно возстановить исторію села за послѣдніе 40 лѣтъ. Любилъ онъ и естествознаніе, и въ его кабинетѣ, вромѣ книгъ, можно было увидѣть и подозрную трубу, и самодѣльные приборы—лейденскую банку, барометры и разные предсказатели погоды, механическіе приборы и т. п. Народная жизнь, обычаи, нравы, языкъ,—также привлекали его вниманіе, и много интереснаго онъ могъ со-

*) Безъ сомнѣнія, и условія жизни способствовали этому: пока былъ въ силахъ, онъ самъ всегда, вмѣстѣ съ домашними и работниками, трудился въ полѣ, на дугахъ, на гумнѣ. Недостатки заставляли вести простой образъ жизни: мы еще помнимъ, какъ лѣтъ 25 назадъ вся семья о. Іовна обѣдала въ кухнѣ, а не въ «горницѣ»; за столомъ употреблялись деревянные ложки и т. п.

общить изъ этой области; но грубыя суетвѣрія находили въ немъ безошаднаго противника, и въ его приходѣ вовсе не было влбушъ, а заломы крестьянамъ приходилось, перекрестясь, вырывать на своихъ нивахъ самимъ. Пытавшіеся эксплуатировать своихъ односельчанъ предсказательницы и прозорливцы, послѣ перваго же публичнаго внушенія, прекращали свою практику изъ опасенія суровой эпитиміи.

Но при всей своей видимой строгости и суровости отецъ Іоаннъ имѣлъ доброе сердце. По природѣ вспыльчивый, онъ не могъ долго сердиться, и это знали его провинившіеся прихожане. Онъ не могъ видѣть слезъ, настойчивыхъ упрасиваній, и обыкновенно провинившійся или обидчикъ послѣ сильной грозы получалъ отъ него прощеніе и выходилъ отъ него примиреннымъ. Въ отношеніяхъ къ сослуживцамъ онъ былъ товарищески внимателенъ, избѣганъ ссоръ, готовъ былъ на всякія уступки, къ односельчанамъ же, при всей строгости, относился просто и благожелательно, и не любя судовъ и жалобъ, никому не повредилъ по службѣ. Доброта его находила выраженіе въ широкой благотворительности. Особенно много случаевъ послѣдней раскрылось послѣ его смерти. Не говоря уже о помощи своимъ роднымъ, даже самымъ отдаленнымъ, которыхъ онъ самъ разыскивалъ усердно, онъ всегда охотно жертвовалъ по разнымъ воззваніямъ благотворительныхъ обществъ и учреждений. Даже устроители народныхъ чтеній въ деревнѣ, пожарной дружины, библиотеки и т. п. не встрѣчали у него отказа, что такъ не мпрится съ представленіемъ о немъ, какъ человѣкъ стараго закала. Скопидомство было совершенно противно его характеру, и всѣ свои средства онъ широко тратилъ на благотворительность, книги и воспитаніе дѣтей.

Въ послѣднемъ отношеніи онъ былъ вѣренъ самому себѣ. Разумная строгость, дисциплина, религіозность и церковность, развитіе ума и сердца, были у него основами воспитанія дѣтей. Съ малыхъ лѣтъ онъ пріучалъ дѣтей бывать въ церкви, пѣть и читать тамъ, строго исполнять церковные уставы и т. п. Эта строгость не мѣшала ему выражать любовь и заботу о дѣтяхъ. Но любовь къ дѣтямъ иногда

не переходила у о. Іоанна въ баловство. Онъ былъ неумолимъ не только къ небрасивымъ поступкамъ, но и къ движеніямъ души, и не стѣснялся задѣть самолюбіе, чтобы исправлять уклоненія суровой правдой. Въ результатѣ развивалось сознательное уваженіе къ нему, похожее на то преклоненіе, съ которымъ онъ всегда относился къ своему покойному отцу, во многомъ напоминавшему его.

И дѣти, и прихожане покойнаго, и всѣ, кто близко зналъ его, наученные суровымъ опытомъ жизни, забудутъ, твердо вѣримъ мы, человѣческія слабости и немощи покойнаго, и вспоминая при различныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ его прямыя, быть можетъ иногда и рѣзкія, но всегда неподкупныя и честныя рѣчи, не одинъ разъ повторяютъ про себя: „правду говорилъ покойный о. Иванъ“, и помянутъ его память молитвой и добрымъ словомъ.

И. Орловскій.